

Хлопнула дверь.

Чжэн Хэхуа, стоявшая снаружи, с покрасневшими глазами несколько раз порывалась постучать, но в итоге плечи её опустились, и руки бессильно повисли.

Её младший брат Чжэн Цзяньшэ, увидев, как Юй Сяндун выставил сестру за дверь и заставил её плакать, в ярости затопал ногами: — Я же говорил, что этот Юй Сяндун — недобрый человек! Ты не послушала отца с матерью, настояла на свадьбе, а теперь посмотри: как только поступил в университет, сразу собрался уезжать. Он нам совсем не ровня!

Чжэн Цзяньшэ отстранил сестру, шагнул к двери и принялся громко колотить в неё: — Юй Сяндун, выходи и объяснись!

Внутри не раздалось ни звука, лишь дверь гулко отзывалась на удары.

— Ты вообще мужчина или нет? Женился на моей сестре — будь добр, неси за неё ответственность! Если уезжаешь, обязан забрать её с собой.

Отец Чжэн, обычно крепкий старик, сейчас сгорбился и сидел на корточках, тяжело вздыхая.

Мать Чжэн вытирала слезы: — Отец, что же нам делать, если Сяндун действительно уедет?

— Если он решил уйти, его не удержать.

Юй Сяндун был городским интеллигентом, присланным в их деревню на перевоспитание. Высокий, статный, с тонкими белыми пальцами — сразу видно, человек, привыкший держать ручку, а не мотыгу.

Дочь влюбилась в него с первого взгляда, постоянно украдкой приносила ему еду. Юй Сяндун поначалу отказывался, и Чжэн Хэхуа приходилось долго уговаривать его, прежде чем он принимал подарки.

Родители были против: Юй Сяндун, поработав день с мотыгой, набивал кровавые мозоли, и то, что другие делали за полдня, он не успевал выполнить и за день. Но Чжэн Хэхуа лишь сильнее жалела его, неприспособленного к тяжелому труду.

В конце концов, родители уступили настойчивости дочери и дали согласие на брак. А вскоре после свадьбы пришла новость о восстановлении вступительных экзаменов в вузы.

Поначалу Юй Сяндун обещал: если не поступит, то останется с Чжэн Хэхуа в деревне и будет жить как все, а если поступит — заберет жену в город. Но когда пришло уведомление о зачислении, он заговорил иначе: мол, сначала вернется в город сам, а потом заберет её.

Чжэн Хэхуа не согласилась, и в доме начался скандал.

Чжэн Цзяньшэ продолжал колотить в дверь, как вдруг она распахнулась. Юй Сяндун с мрачным лицом раздраженно бросил: — Хватит выть! Я же сказал: сначала уеду, а когда будет подходящий момент, заберу тебя.

Он смотрел не на Чжэн Цзяньшэ, а прямо на Чжэн Хэхуа.

Чжэн Цзяньшэ в ярости ударил его кулаком в лицо: — Проявляй уважение к моей сестре!

Юй Сяндун, прикрывая ушибленное лицо, повернулся: — Это ты так обращаешься со своим зятем?

В его взгляде читалось такое нескрываемое презрение, что он почти в открытую назвал Чжэн Цзяньшэ невоспитанным. Это поняли все, и Чжэн Хэхуа, не выдержав, разрыдалась.

— Цзяньшэ! — отец остановил сына, который снова хотел броситься в драку.

Ужин проходил в главной комнате, но Юй Сяндун так и не вышел из своей комнаты. Чжэн Хэхуа постучала: — Сяндун, выходи поужинать, мы еще раз всё спокойно обсудим.

Внутри Юй Сяндун бережно сложил уведомление о зачислении, спрятал его за пазуху и крепко прижал рукой, чтобы не было заметно.

Снаружи доносилось бормотание Чжэн Хэхуа. Терпение Юй Сяндуна лопнуло, он подошел к двери и со всей силы пнул её ногой.

Грохот.

Чжэн Хэхуа вздрогнула, её губы задрожали. Она простояла так некоторое время, чувствуя тяжесть в голове, и нетвердой походкой вернулась в комнату.

На душе было тяжело, еда готовилась кое-как — сегодняшней ужин вышел до невозможности пересоленным.

Чжэн Цзяньшэ, поев, всё запивал водой: — Сестра, перестань его баловать. Не выходит есть — значит, не голоден, зачем оставлять ему еду?

Чжэн Хэхуа молча поджала губы, наложила еду в миску и отнесла на кухню.

Всю ночь Юй Сяндун не открывал дверь. Чжэн Хэхуа пришлось спать с матерью, а отец остался

с Чжэн Цзяньшэ.

На рассвете следующего дня Юй Сяндун, накинув заранее собранный рюкзак, прихватив пятьсот юаней, которые он выманил у семьи Чжэн, и еще раз проверив уведомление о зачислении, тихонько выскользнул из дома.

Чжэн Хэхуа, проворочавшаяся всю ночь без сна, услышав звук открываемой и закрываемой двери, замерла в невыносимой боли и разочаровании, глядя в пустоту покрасневшими глазами до самого утра.

Слухи в деревне распространяются быстро. К полудню уже все знали, что городской интеллигент Юй уехал в город. Поползли сплетни: мол, надо было слушать старших, а теперь что? Юй Сяндун наверняка бросил Чжэн Хэхуа.

— Если после свадьбы мы будем жить у меня, ты не против?

— А? Моя мама говорит, что к женщине в дом переезжают только примакки.

— А зарплату свою после свадьбы будешь отдавать жене?

— Лучше маме. Она говорит, что молодежь не умеет распоряжаться деньгами, а она поможет нам накопить.

Женщина в синем платье медленно опустила стакан с газировкой: — Ты старший сын в семье. После свадьбы вы будете отделяться от родителей?

Юй Сяндун ответил: — Мама говорит, что отделяться сразу после свадьбы — некрасиво, надо подождать пару лет.

Женщина поправила волосы: — Тогда я подумаю.

Юй Сяндун быстро заморгал и добавил: — Не зря говорят: не послушаешь старших — наживешь беду. Мама желает мне только добра, ты еще хорошенько подумай.

Когда женщина ушла, Юй Сяндун принялся с аппетитом есть — в государственном ресторане кормят куда вкуснее, чем у него дома. Остатки он попросил завернуть с собой для маленького племянника.

Семья Юй жила в многоквартирном доме коридорного типа. Отец, мать, Юй Сяндун, семья

второго брата, семья третьего брата и младшая сестра — десяток человек ютились в паре комнат.

В этот час дома была только мать, присматривавшая за детьми, остальные были на работе. Увидев сына, она спросила: — Ну как свидание?

Юй Сяндун ответил честно: — Сказала, что подумает.

— Еще и думать будет? Ей уже за тридцать! Чего она еще хочет? Если бы не её работа, стали бы мы вообще с ней знаться? — Мать с силой одернула одежду и заворчала: — Если ты ей не приглянешься, деньги на обед считай на ветер выбросили. Пять юаней потратил!

Юй Сяндун поднял пакет с едой: — Разве не нужно было показать, что я человек щедрый? Вот, остатки еды принес, племяннику будет лакомство.

Через несколько дней от женщины пришел ответ: она согласилась. Но поставила условие: первые два года жить у неё, а после рождения ребенка вернуться в дом мужа.

Мать Юй, услышав это, тут же дала добро — экономия на еде, да и роды с уходом за младенцем пройдут в доме невестки, сплошная выгода.

Обе стороны были довольны. Всё сделали просто: расписались, позвали родственников на обед в ресторан — вот и вся свадьба.

Юй Сяндун ждал назначенного дня. Мать плохого не посоветует, невеста согласна — чего еще желать?

В день регистрации он надел рубашку, одолженную у третьего брата.

Невеста, Чэн Сюли, нарядилась в красное платье, надела кожаные туфли, волосы уложила в крупные локоны, губы накрасила яркой помадой, отчего её кожа казалась еще белее.

Юй Сяндун при виде её замер.

Хоть Чэн Сюли была на несколько лет старше его, уже тридцать три, но порох в пороховницах еще был. Куда лучше той деревенской бабы.

Юй Сяндун отогнал лишние мысли: — Приехала на велосипеде? Давай я тебя подвезу.

Чэн Сюли бросила на него взгляд, но промолчала. Юй Сяндун подошел и взял руль: — Стесняешься? После сегодняшнего вечера мы станем настоящими супругами, чего стесняться?

На женском велосипеде не было верхней рамы, сиденье стояло низко. Юй Сяндун сел, широко расставив длинные ноги.

Чэн Сюли подняла голову — небо затянуло серыми тучами, было душно, вот-вот должен был начаться дождь. Не желая спорить, она села на заднее сиденье.

Юй Сяндун довольно усмехнулся и, оттолкнувшись, поехал вперед.

До ЗАГСа было недалеко, минут пятнадцать пути. У входа росли тополя, которые шумели от ветра.

В этот момент разразилась гроза, назревавшая всё утро.

— Грохот!

— Шлеп!

— А-а-а!

— Юй Сяндун! Юй Сяндун!

<http://bllate.org/book/20216/2012291>